

Фертиус
СМОЛЛ

Бертрис
СМОЛЛ

Блейз Уиндхем

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С51

Серия «Гарем Бертрис Смолл»

Bertrice Small
BLAZE WYNDHAM

Перевод с английского *У.В. Сапциной*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения
New American Library, an imprint of Penguin Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Смолл, Бертрис.

С51 Блейз Уиндхем : [роман] / Бертрис Смолл ; [пер.
с англ. У. В. Сапциной]. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 416 с. — (Гарем Бертрис Смолл).

ISBN 978-5-17-103659-1

Ослепительная красавица Блейз Уиндхем становится предметом вожделения короля Генриха VIII — и, конечно, не вправе отказать коронованному поклоннику. Неожиданно в жизнь прекрасной и несчастной фаворитки врывается бурная любовь к великолепному лорду Энтони, которого она должна бы всем сердцем ненавидеть. Но возможно ли счастье для женщины в мире, где правит жестокость и плетутся изощренные интриги?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Bertrice Small, 1988
© Перевод. У.В. Сапцина, 2006
ISBN 978-5-17-103659-1 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

Эшби-Холл,
июль 1521 года

— Э то невысказано, — безнадежно произнес лорд Морган. — Просто невысказано наделить приданым восемь дочерей! Какое будущее ожидает их при таких обстоятельствах? Должно быть, мои девочки появились на свет в Богом проклятый день! — Его плечи в отчаянии поникли.

— О, дорогой мой, не говори так! — запротестовала его жена, ловя мужа за руки и вглядываясь в его лицо блестящими от слез голубовато-серыми глазами. — Во всем виновата только я, Роберт! Если бы только Гевин родился первым, а не восьмым, все было бы гораздо проще. Но на твоём месте я не стала бы отчаиваться! Несомненно, у нас хватит приданого для одной из дочерей, и тогда, возможно, она поможет сестрам сделать хорошую партию. Пусть мы бедны, но зато наши дочери — отменные красавицы, а уж я-то знаю: для мужчин это значит немало!

Роберт Морган печально вздохнул и, утешая, обнял свою очаровательную жену. Ну как ей объяснить, что лишь чудо поможет им наскрести приданое даже для старшей дочери? И как признаться, что с таким приданым не привлечешь внимания стоящего жениха с известным именем? Ведь большинство титулованных особ с колыбели обречены с другими титулованными особами, и, только заняв достойное место при

дворе, его дочь сумеет помочь сестрам обзавестись мужьями. Этих мужчин должна уж слишком пленить красота сестер Морган, чтобы они махнули рукой на отсутствие приданого. Как объяснить все это милой, любимой жене? Каким образом дать понять ей, что изысканная красота дочерей — не только дар Божий, но и тяжкий крест? Только благодаря их бедности и отдаленности поместья дочери лорда Моргана остались невинными, избежали искушения занять менее чем почетное место в мире.

Но его милой Розмари не следовало знать о подобных вещах. Дочь сельского сквайра, она родилась и выросла в деревне. За всю свою жизнь она не бывала дальше ближайшего города Херефорда. Из нее вышла добрая жена, заботливая мать, бережливая владелица поместья и попросту славная женщина. Единственным ее недостатком стало обилие дочерей, произведенных на свет. Однако за шестнадцать лет супружеской жизни у нее не умер ни один ребенок, она не переставала одаривать мужа наследниками и никогда не одолевала его пустячными жалобами. Лорд Морган считал, что он счастлив в браке.

Склонившись, он поцеловал жену в пепельно-белокурую макушку.

— Мне пора всерьез задуматься об этом, дорогая. Оставь меня одного, — попросил он, и Розмари Морган послушно удалилась со сдержанной торжествующей улыбкой, зная, что муж непременно все уладит, как это ему удавалось всегда.

Лорд Морган подошел к окну своей маленькой библиотеки. Эшби было прекрасным поместьем, богатым плодородной землей, а этой земле предстояло отойти Гевину, пятилетнему сыну и наследнику лорда Моргана. Морганы владели этими землями еще со времен короля Вильгельма, и потому продать хотя бы пядь своих владений казалось лорду Моргану немыслимым. Возможно, до этого дело и не дойдет, если он сумеет удачно выдать замуж дочерей. Но за кого бы ни выходила замуж женщина — за дворянина или за простолюдина, она обязана принести ему приданое.

6 По пастбищам Эшби некогда бродили многочис-

ленные стада овец. Именно благодаря овцам семейству удалось сколотить небольшое состояние. Морганы никогда не считались влиятельными людьми, но они ни в чем не нуждались. Они всегда давали за дочерьми солидное приданое, отправляли хорошо вооруженных сыновей защищать Англию (один из них был даже епископом), и они исправно платили налоги.

Так было до тех пор, пока двенадцать лет назад мор не погубил их стада. А через два года небольшое стадо, восстановленное с огромным трудом, постигла та же участь. В это второе стадо было вложено, до последнего гроша, все скромное состояние семьи, но жертва оказалась напрасной. Вновь обеспечить процветание семейства его главе так и не удалось.

С тех пор лорд Морган вел бесконечную битву, добывая деньги для уплаты налогов и для того, чтобы прокормить семью и слуг. Скромными, но ощутимыми успехами он был обязан своей непреклонной решимости не продавать земли. Но теперь, оглядывая поля и пологие холмы, он все чаще задумывался о продаже — или по крайней мере о назначении небольшого земельного участка в приданое каждой из дочерей. При этой мысли он в досаде покачал головой. Разве достойный человек удовлетворится такой малостью? И потом, он не имел права лишать сына наследства. Но равным образом он был не в состоянии выдать дочерей за менее знатных или уважаемых людей — в таком случае, пусть уж лучше остаются старыми девами. Положение казалось лорду Моргану совершенно безнадежным, и он чувствовал себя, как зверь, попавший в капкан.

Негромкий стук в дверь библиотеки оторвал его от невеселых размышлений.

— Входите, — произнес лорд, и на пороге появился один из слуг.

— Прибыл всадник, милорд. Он желает видеть вас.

Лорд Морган кивнул.

— Просите его сюда, — ответил он, и слуга обернулся, кивая кому-то за своей спиной. Роберт Морган подавил слабую улыбку при мысли, что его слуги не отличаются тонкими манерами.

— Лорд Морган? — к нему шагнул незнакомец, по виду — лакей в оранжевой с золотым шитьем ливрее.

— Да, это я.

— Мой господин, лорд Эдмунд Уиндхем, находится в часе езды от Эшби и просит принять его. Мне велено дожидаться ответа.

Роберт Морган изумленно приподнял бровь. Эдмунд Уиндхем, эрл Лэнгфордский, богатая и весьма загадочная особа! Что могло понадобиться такому человеку от лорда Моргана? Однако Роберт не желал произвести впечатление негостеприимного хозяина.

— Почту за честь принять у себя эрла, — ответил он слуге в ливрее.

Тот самым учтивым манером поклонился ему и покинул комнату.

Лорд Морган нетерпеливо задергал витой шнур колокольчика, висящего у камина.

— Скорее позовите сюда госпожу, — приказал он появившемуся слуге. — Только что здесь был посыльный эрла Лэнгфордского, — объяснил он жене несколько минут спустя. — Эрл появится через час. — Он посмотрел на жену, ожидая, как она воспримет новость.

— И останется на обед? — встрепенулась леди Розмари. — О Благословенная Дева, надеюсь, нет! Мы не можем подать ни мяса, ни дичи, ни рыбы — ничего, кроме супа. Я разрешила кухарке нарезать ту старую тощую курицу, которая уже давно перестала нестись. К обеду у нас будет лишь суп и хлеб, Роберт! Посуди, можно ли предлагать такой обед даже простому гостю, не говоря уж про эрла?

Роберт улыбнулся.

— Слуга не упомянул, что эрл останется на обед. Он просто собирался заехать и повидаться со мной. Кстати, слева в погребе, уцелела с лучших времен фляжка мальвазии. Скажи, а печенье у нас найдется?

Розмари кивнула, слегка успокоившись.

— Вот и хорошо, — заключил лорд Морган. — Такого приема будет довольно для неожиданного гостя, дорогая.

— Только перемените белье, милорд, — напомнила ему жена. — У вас на рубашке, прямо спере-

ди, жирное пятно. Не годится принимать гостей в таком виде.

— Сию же минуту переоденусь, — пообещал Роберт.

И они поспешили разойтись: леди Розмари — исполнять обязанности хозяйки дома, лорд Роберт — на поиски свежей рубашки. Вскоре он вновь спустился вниз, облаченный в свой лучший, черный с шитьем, почти не ношенный, и потому отлично сохранившийся камзол, чистую, крахмальную рубашку с рюшами у ворота и на манжетах, черные бархатные бриджи, чулки в алую и черную полоску и черные туфли с квадратными носами. Тяжелая серебряная цепь с инкрустированным гранатами медальоном возлежала на дорогой ткани камзола. Она представляла собой единственную драгоценность лорда Моргана — помимо фамильного кольца червонного золота с зеленым, как кошачий глаз, бериллом — лорд носил его на левой руке, вместе с простым золотым обручальным кольцом, подаренным женой еще в давние времена.

— Ты по-прежнему самый привлекательный из известных мне мужчин, — объявила леди Розмари Морган мужу.

Роберт улыбнулся.

— А вы, мадам, прекрасны, как в первый день нашего знакомства.

— Нет, я постарела, — вздохнула леди Розмари.

— В самом деле? Не замечал, — галантно отозвался ее супруг.

Розмари мило порозовела и негромко произнесла:

— Я люблю тебя, Роберт, всегда любила и всегда буду любить.

Минуту они смотрели друг на друга, не отрываясь. А затем снаружи послышался стук копыт по усыпанной гравием аллее, и лорд Роберт взял жену под руку и повел к двери, чтобы оказать знатному гостю надлежащий прием.

Карие глаза Эдмунда Уиндхема не упустили ни единой мелочи, пока он проезжал через поместье. Земля вокруг была плодородной, но дурно возделанной.

Он заметил, что леса уже вторглись на террито-

рию пастбищ. От деревенских домов, несмотря на их опрятность, веяло бедностью, а играющие в пыли возле домов дети одеты в лохмотья и явно недоедают. Однако они выглядели довольно резвыми, а лица, появляющиеся в окнах деревенских хижин, казались дружелюбными и любопытными. Возможно, лорд Морган хоть и небогат, но хороший хозяин.

Впереди, в конце аллеи, Эдмунд Уиндхем разглядел хозяина поместья, стоящего на ступенях внушительного каменного дома. Под руку лорд Морган держал миниатюрную хорошенькую женщину в шелковом платье винного цвета, длинная верхняя юбка которого приоткрывала кремовую нижнюю, расшитую крошечными черными и золотистыми цветами. Ее белокурые волосы, разделенные пробором, лишь слегка прикрывал плотно облегающий золотистый чепчик. «Несомненно, хозяйка поместья нарядилась в свое лучшее платье», — решил лорд Уиндхем и улыбнулся. Супруги оказались красивой парой.

Остановив коня перед крыльцом дома, он с небрежной грацией спешил и произнес:

— Лорд Морган? Я — Эдмунд Уиндхем. Премного благодарен, что вы согласились принять меня — несмотря на то, что о своем прибытии мне не удалось известить вас заранее.

— Хотя прежде мы не встречались, сэр, вы всегда желанный гость в Эшби. Позвольте представить вам мою жену, леди Розмари.

Эдмунд Уиндхем склонился над рукой леди Морган и учтиво прикоснулся губами к тыльной стороне ее ладони.

— Мадам, знакомство с вами — большая честь для меня, — произнес он.

Она низко присела.

— Мы рады принять вас в Эшби, милорд.

«Приятный голос, несмотря на деревенские манеры», — подумалось Эдмунду.

— Прошу вас в дом, милорд, — пригласил Роберт Морган, с беспокойством озирая свиту эрла, состоящую по меньшей мере из дюжины лакеев.

Эдмунд Уиндхем заметил этот брошенный украдкой взгляд и небрежно сказал:

— Если моим слугам позволят напоить лошадей, они подождут меня здесь.

— Должно быть, они сами измучились от жажды, милорд, — возразила леди Морган. — Я велю слугам принести им сидра. Сожалею, что не могу предложить вина — наш погреб слишком мал.

Эрл улыбнулся ей, и дрожь прошла по телу Розмари Морган до кончиков пальцев.

— Им будет вполне довольно воды, уверяю вас, мадам. Сладкий сидр — это уже баловство. Хотя должен поблагодарить вас за гостеприимство. — Он повернулся и последовал за хозяином в дом.

Отдав ожидающим слугам краткие приказания, леди Розмари поспешила вслед за ними. Подав мужчинам в библиотеку мальвазию и сладкое печенье, она повернулась, чтобы уйти.

Но эрл остановил ее.

— Вероятно, милорд, вашей супруге лучше остаться. То, с чем я прибыл, касается вас обоих.

Лорд Морган кивнул жене, и она устроилась в кресле рядом с ним.

— Прошу вас, говорите, милорд, — предложил он.

— На протяжении восемнадцати лет, — начал эрл, — я был женат на леди Кэтрин де Хейвен. Тринадцать месяцев назад скончалась моя жена. Мы были бездетны. У меня есть наследник, старший сын моей сестры, но самому мне еще тридцать пять лет — достаточно времени, чтобы стать отцом. Насколько мне известно, у вас восемь дочерей. Надеюсь, что одна или несколько из них уже достигли брачного возраста, я прибыл просить в жены вашу дочь.

Роберт Морган услышал, как его жена тихо ахнула, и подумал, не отвисла ли от удивления его собственная челюсть. Однако из его уст прозвучал сдержанный ответ:

— Это большая честь для меня — породниться с вами, милорд! У меня и вправду есть дочери на выданье, но, несмотря на древность рода и обширное поместье, я небогат. Не далее, как сегодня, мы с женой

беседовали о том, что затруднительно для нас снабдить приданым хотя бы одну дочь, не говоря уж о восьми. Мне нечего предложить в приданое, кроме крошечного клочка земли. Несомненно, мужчина в вашем положении имеет право рассчитывать на более состоятельную невесту. Не стану обманывать вас, лорд Уиндхем. Как бы мне ни было отраднее видеть одну из своих дочерей графиней, боюсь, нашему семейству не под силу соперничать с многочисленными богатыми невестами. Тем не менее благодарю вас за столь лестное внимание.

— Еще до прибытия в Эшби я был осведомлен о вашем положении, сэр, — отозвался эрл. — Земли, деньги, связи — всего этого у меня с избытком. Мне недостает лишь детей. Мне нужен сын, и мать моего ребенка должна быть сильной и здоровой женщиной. А Кэти была хрупкой, слабой здоровьем, мы с ней были помолвлены еще с младенчества. Земли ее отца не уступали по величине владениям моих родителей. Наш брак считался удачным. Мы с женой знали друг друга всю жизнь. Подобно самой королеве Екатерине, моя Кэтрин страдала выкидышами и несколько раз рожала мертвых детей, омрачая счастливые во всем остальном годы нашего союза. Она умерла, разрешившись от бремени единственным из наших детей, который появился на свет живым. Но увы, наш сын последовал за матерью, не прошло и нескольких часов. Они были похоронены вместе.

На краткий миг голос эрла дрогнул, и он опустил голову, чтобы скрыть боль, а затем продолжал уже спокойнее:

— Мне говорили, сэр, что леди Розмари не потеряла ни единого ребенка — ни до рождения, ни после. Наверняка дочь такой здоровой женщины тоже окажется крепкой. Вот почему я и прибыл к вам, лорд Морган, вот почему прошу дать мне в жены одну из ваших дочерей. Кто-нибудь из них уже достиг брачного возраста?

— Три, милорд, и четвертой тоже уже недолго ждать этого момента. Но опять-таки повторяю вам: я понятия не имею, как собрать приданое даже для одной дочери, а тем более для восьми.

— И все эти дочери здоровы, сэр?

12 — За всю свою жизнь они не хворали ни дня. Это

и впрямь чудо, ибо мой в целом крепкий сын кашляет и чихает всю зиму — как и я.

— Тогда выберите из ваших дочерей ту, которую пожелаете, милорд Морган. Мне все равно, лишь бы она была достаточно взрослой, чтобы родить ребенка, и обладала острым зрением. Сохраните земли для сына, а я приму вашу дочь без приданого. Более того. В качестве свадебного подарка я назначаю каждой из сестер собственное приданое, так что вы сможете выдать их замуж за достойных людей. Моя жена будет жить не хуже королевы, не будет нуждаться ни в чем, чего бы она ни пожелала. В этом я клянусь вам памятью моей покойной бедняжки Кэтрин.

Розмари Морган закрыла рот ладонью, сдерживая крик. Она не могла поверить собственным ушам, ибо происходящее было настоящим чудом. Их молитвы были услышаны. Серовато-голубые глаза леди Розмари широко открылись, и она перевела взгляд на мужа. Тот побледнел от потрясения. Казалось, понадобилась целая вечность, чтобы он вновь сумел овладеть собой.

Наконец лорд Морган испустил глубокий вздох, словно проясняя свои мысли, и произнес:

— Разумеется, я выбрал бы старшую. В последний день ноября ей исполнится шестнадцать. Ее зовут Блейз*.

— Странное имя, — заметил эрл.

— Все наши дочери получили необычные имена, — пояснила леди Морган. — Боюсь, в глубине души отец Иоанн осуждает нас. Чтобы настоять на своем, мне пришлось окрестить каждую из дочерей именем святых. Все они при крещении названы Мэри, но их знают под именами, которые выбрала я.

Эрл усмехнулся.

— И ваша дочь Блейз так же решительна, как вы, мадам? Будем надеяться, что имя не повлияло на ее нрав.

— Блейз — доброе дитя, сэр, но я буду откровенна с вами, — отозвалась леди Морган. — Она не робкого десятка, как и остальные мои дочери.

* Б л е й з (*англ. blaze*) — вспышка, пламя. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Какие же имена вы дали остальным? — полюбопытствовал эрл.

— После Блейз родились Блисс и Блайт — старшие из близнецов, им по четырнадцать лет. Затем появилась Дилайт. Ей тринадцать, но ведет она себя еще совсем как ребенок. Нашей второй паре близнецов, Ларк и Линнет, по девять, Ваноре семь, а Гевину и его сестре Гленне — по пять лет.

Эрл с улыбкой оглядел лорда и леди Морган.

— Вашему чудесному семейству можно только позавидовать. В особенности благодаря сыну, — признался он.

— Бывали времена, когда даже я отчаивался иметь сына, — откровенно признался Роберт Морган.

— Но ведь он появился! — возразил эрл. — Молодая и крепкая жена родит сына и мне. Значит, решено, сэр? Вы согласны видеть меня своим зятем?

— Разумеется, я рад этому, хотя мне досадно знать, что моя дочь не принесет вам ни гроша в приданое. Но ради нее я готов поступиться своей гордостью, а еще больше — ради остальных дочерей. Я люблю их и желаю им только счастья.

Эрл и лорд Морган одновременно поднялись и пожали друг другу руки.

— Вы останетесь пообедать с нами, милорд? И заодно познакомиться с Блейз? — спросил лорд Морган.

Бедняжка Розмари возвела перепуганные глаза к небесам. Святая Дева Мария! Святая Анна! Неужто Роб позабыл, что к обеду нет ничего, кроме супа и хлеба?! «Только бы эрл отказался, и я тогда пешком дойду до Херефордского собора, чтобы поставить там свечу», — безмолвно поклялась она.

— Сожалею, но вынужден отклонить ваше приглашение, сэр, — ответил лорд Уиндхем. — Отсюда до моего дома — двенадцать миль, и мне следует успеть вернуться до темноты. Сегодня день рождения моей сестры, и я устроил вечер в ее честь. Как только брачный контракт будет составлен, я пришлю его вам. Вы можете вносить в него любые изменения, какие пожелаете, а затем верните подписанные контракты мне. О по-

14 тем верните подписанные контракты мне. О по-

молвке будет объявлено немедленно. Надеюсь, тридцатого сентября мы отпразднуем мою женитьбу на вашей дочери.

— Одну минутку, милорд, — вмешалась леди Морган. Поднявшись, она грациозно прошла по комнате к длинному столу, на котором стояла прямоугольная шкатулка темного дерева, отделанная серебром. Внутри шкатулки оказалось несколько миниатюр. Вынув первую из них, леди Розмари обернулась и протянула ее эрлу. — Наш престарелый родственник, Питер, развлекается, каждую весну рисуя миниатюрные портреты наших детей. Это последний из портретов Блейз. Надеюсь, вы не откажетесь принять его, милорд.

Приняв ее дар, эрл пристально взгляделся в гордое личико на миниатюре. До сих пор его помыслы настолько заполняла Кэти, что эрл даже не задумывался над тем, как может выглядеть его будущая жена. Впрочем, это его и не волновало — лишь бы она оказалась здоровой и исполнила свой супружеский долг, произвела на свет наследников.

Но сейчас его взгляду предстало на редкость красивое лицо — чистое, идеальной формы, с большими миндалевидными фиалково-синими глазами, окаймленными густыми темными ресницами. Впечатление отнюдь не портил слегка вздернутый носик. Рот оказался довольно мал, но губы были пухлыми и несколько выпяченными. «Такие губы неудержимо влекут к поцелуям, — подумалось эрлу, — если, конечно, их чувственность не была преувеличена художником». Золотисто-медовые волосы Блейз, разделенные спереди пробором, мягко и свободно вились вокруг прелестного лица.

С трудом оторвав взгляд от очаровательной миниатюры, он произнес:

— Мадам, я просил всего лишь жену, а вы предлагаете мне сокровище. Я ошеломлен и благодарен.

— Надеюсь, — отозвалась Розмари Морган со сдержанной улыбкой, — что вы не преминете сказать об этом моей дочери. За ней еще никто не ухаживал. Было бы обидно для нее упустить такую чудесную пору жизни.